

Глава 5. Видения гарипа

«... И узнали иные люди, что Твердыни Нерушимые только им подвластны. И возгордились. Открыли бреши в Твердынях. И вышли в чужие земли. А из чужих земель вошли другие, с ликом людским, и проникли в земли людские. И стали те другие искать Хранителей. Чтобы убить их. Чтобы забыли люди о скрижалях и открыли бреши в Твердынях. И стали люди через те бреши спускаться в Бездны Нави и стали судилища там...

Судный месяц, год дракона, 509
год от сотворения мира»
Из летописей Тёплой Обители.
Летопись «О сотворении мира»

Три человека шли по тропе, петляющей между деревьями, вдоль берега горного озера. Тропа то появлялась, то совсем исчезала в каменных валунах, поросших лишайником. Деревья и кустарники становились всё меньше, стволы и ветви приобретали иногда такие причудливые формы, что казалось, будто это не деревья, а какие-то сказочные существа застыли в магическом танце. Всё говорило о приближении высокогорной тундры, отделяющей хвойные леса от вечных снегов. Группа шла медленно, продираясь через колючие кусты малины и заросли акации. Справа за лесом шумел водопад. Чирикали птички да белка ругалась на непрошенных гостей. Где-то далеко, в чаще леса, стучал дятел, выискивая в трухлявой коре червячков. Группа то и дело останавливалась, переводя дыхание. Двое, старик в оленьей шкуре и идущий за ним воин в костяных доспехах, были ранены и уже выбивались из сил. Третий, в длинном чёрном плаще с капюшоном на голове, шёл легко, несмотря на два меча

и лук со стрелами, которые он нёс. Вскоре, преодолев очередной малинник, группа вышла на небольшую поляну на берегу озера. Взору путников предстала бирюзовая гладь воды, отражающая, как в зеркале, голые каменные вершины на противоположной стороне. С вершин тянуло прохладой, запахом чабреца и невысокой горной полыни, нередкой в этих местах. Над каменными вершинами нависали высокие горы, покрытые снегом. В это время года снег казался сказочным, сверкая под лучами яркого летнего солнца. Чуть дальше склон горы, увитый листьями бадана, вплотную подходил к берегу и круто нависал над гладью озера.

– Дальше не пойдём, – сказал старик, присев у подножия кедра, – будем ночевать здесь.

Раненый воин буквально рухнул под деревом. Едва голова его коснулась земли, как он заснул. Сказались многодневные поиски старика, ночная погоня, бой на вершине хребта и бессмысленное поражение, с которым он так и не смог смириться. Подъём к озеру отнял последние силы, и при первой возможности воин отправился в страну снов.

Он проснулся, когда уже стемнело, от того, что его кто-то дёргал за рукав. Открыв глаза, Хызри увидел небольшое животное, размером с лису, которое вцепилось в его одежду. Зверёк тут же юркнул в темноту и исчез. Нартулиец поднялся и сел на землю, оглядываясь. Вокруг никого не было, и над озером стояла тишина.

Хызри огляделся. Его спутников нигде не было. Догадка мелькнула в его голове: они бросили его одного в лесу на съедение зверям! Ему показалось, что у кромки воды происходит какое-то движение. Он встал и пошёл туда, осторожно ступая в темноте по округлым гладким камням. На берегу раздалась женские голоса.

«Может, здесь находится деревня старика? – мелькнула мысль, – где же тогда сторожевые костры?»

Вскоре под ногами хлюпнула вода, а голоса продолжали раздаваться где-то впереди. Нартулиец почти разбирал слова, но всё равно не мог понять смысла речи. Совсем близко слышались женский смех и плеск воды. Хызри пошёл вдоль берега на шум водопада, пытаясь отыскать тропинку, которая вела к голосам. Через какое-то время он остановился. Дорогу ему преграждала скала, уходящая вверх. Гарип стал пробираться на ощупь вдоль кромки воды, держась руками за холодный камень. То и дело ноги его оказывались в воде, но он продолжал двигаться вперёд, туда, где, по его мнению, должны быть люди. Вскоре Хызри нащупал руками вход в пещеру. Голоса раздавались оттуда. Он выбрался из воды на сухой камень и, осторожно ступая по каменному полу, пошёл внутрь.

Шаги гулко отдавались в каменных сводах и уносились эхом вглубь пещеры. Почувствовав запах дыма, он ускорил шаги. Пол под его ногами стал уходить вниз, становясь с каждым шагом всё круче и круче. Впереди забрезжил свет. Он достиг места, где в расщелину стены был воткнут зажженный факел. Хызри выдернул его и пошёл вперёд, освещая путь и прибавив шагу. Пещера, опускаясь всё ниже, петляла в горе, поворачивая то вправо, то влево. Вскоре начались ступени, уходящие по спирали вниз. Гарип двинулся вперёд, осторожно шагая по каменным, кем-то аккуратно уложенным плитам. Вскоре ступени стали скользкими, а на стенах появились капли воды, затем он услышал глухой звук водопада, раздающийся за стеной. Вдруг за ближайшим поворотом ход сузился, и Хызри пришлось наклониться, чтобы продолжить путь, затем встать на четвереньки. Преодолев таким образом несколько шагов, он пролез в большой зал, посреди которого догорал костёр. Вокруг костра лежали люди. По всей видимости, они спали после сытного ужина, потому что в воздухе стоял запах жареного мяса. Встав на ноги, Хызри

направился к костру. Подходя ближе, он обратил внимание, что сторожевых постов почему-то нигде нет, а люди спят без одежды в каких-то странных позах. Вскоре он подошёл к ним вплотную и осветил факелом. Взору предстала ужасная картина. Перед ним лежали девушки, все они были мертвы. Но не это поразило и испугало воина. Хызри в ужасе схватился за амулет на шее. Все девушки умерли в страшных муках. Их руки были связаны волосяной верёвкой и привязаны к колу, забитому в щель между камнями. Одежда вместе с меховыми безрукавками была изорвана в клочья и разбросана вокруг. Перед тем, как убить, их жестоко избили и изнасиловали, затем уже выжгли на животе какие-то магические знаки. Такие же знаки, только поменьше, были выжжены на щеках, груди и бёдрах девушек. Казнь состоялась только что. Всё говорило о том, что это ритуальное убийство. Их тела ещё не остыли. Странно, что Хызри, когда спускался, не слышал их криков. Он присел около одной и, взяв за нижнюю челюсть, открыл рот. Вместо языка он увидел только кровавый обрубок.

– Чёрный Ильхегул! Дранные упыри! – выругался в сердцах нартулиец, и эхо, отражаясь от сводов пещеры, несколько раз повторило:

«Упыри..., упыри..., упыри...».

Вдруг он обратил внимание на лицо девушки. Это была одна из тех, кого его люди выкрали из горных селений.

– Не может быть! – шептал Хызри, переходя от одного тела к другому. Их оказалось двенадцать, ровно столько, сколько он и его люди выкрали в стойбищах и перевезли на постоянный двор, в городище Куюс.

– Не может быть! Нет! Только не это! – закричал Хызри, не помня себя от охватившей его ярости. Эхо повторило лишь:

«Это..., это..., это...».

– А-а-а!!! – воин бросил факел и поднял лицо вверх, к сводам пещеры. Ярость бушевала в нём, как вулкан. Глаза остекленели. Он воздел руки, – кто это сделал?!!!

Ему ответило эхо:

«Сделал..., сделал..., сделал...».

Хызри бросился искать следы. Глаза его лихорадочно двигались, из приоткрытого рта вырывались вздохи, похожие на рычание. Гарип взял в руку факел и перевернул одно из тел. Под ним оказался такой же магический знак. Затем он подошёл к костру, до которого было несколько шагов от лежащих по кругу тел. Там лежала ещё одна женщина, лицом вниз. Тело её обгорело, но на сохранившихся участках кожи Хызри разобрал остатки такого же знака. Затем он перевернул её. Судя по всему, это была взрослая женщина с рыжими волосами, остатки которых ещё были видны, но лицо её обгорело до неузнаваемости. Вдруг он услышал звук шагов за спиной. Хызри резко обернулся и увидел человека в костяных доспехах, вынырнувшего из какого-то хода и удаляющегося в сторону водопада.

– Стой! – крикнул он, но человек не остановился.

– Стой, я сказал! – он бросился в погоню, освещая факелом путь.

Догнав незнакомца, Хызри схватил его за руку и развернул лицом к себе, замахнувшись факелом. Но вдруг... замер. Прямо на него, улыбаясь, смотрел он сам. Его лицо, его улыбка, его губы, нос, рот, всё его. Те же доспехи, пояс. Гарип застыл в изумлении с поднятым над головой факелом. Молчание длилось долго, только потрескивал факел, да шум водопада раздавался из темноты пещеры. Тот, второй, вдруг сбросил его руку и, улыбаясь, потряс в воздухе большим мешком, в котором зазвенели монеты. Затем он протянул их Хызри. Воин отступил на шаг, двойник следовал за ним, протягивая ему мешок.

– Не-ет! – прошептал гарип еле слышно, мотая головой, – Не-ет! – рычал он, потом крикнул, что было силы:

– Это сделал ты?!!!

Эхо повторило за ним:

«Ты..., ты..., ты...».

Обезумев, Хызри стал бить двойника по голове факелом, но тот проходил сквозь тело, как сквозь воздух. Нартулиец решил бежать, но тут двойник остановился, уставившись на что-то за спину Хызри. Затем он указал туда пальцем, и на его лице отразилась паника. Резко повернувшись, гарип увидел, что освобождённый от тела женщины костёр разгорелся с новой силой, освещая весь зал до потолка. Сначала Хызри не мог понять, что напугало двойника, но потом увидел высоко на стене, под самым потолком, выбитый в камне магический знак. От него исходили звуки, похожие на то, как рвётся бронзовая цепь, звено за звеном. При каждом звуке от знака отлетало несколько каменных осколков, падающих вниз. Вскоре он превратился в бесформенное пятно. Раздался сильный грохот: скала лопнула и по стене от знака побежали трещины. Сверху посыпались огромные камни. Стены и пол пещеры вздрогнули и стали оседать, увлекая Хызри за собой. Через мгновение огромная масса воды смыла каменные глыбы в ущелье. Ударившись о дно ущелья, она понеслась вниз по склону, выворачивая с корнем деревья и перемалывая их в щепки между камнями. Хызри упал в грязный бурный поток и хотел закричать, но тут... он проснулся. Он лежал около того же дерева, где заснул. На небе ярко горели звёзды.

«Неужели это сон?! – он сел на сухую хвою и прислонился к дереву, – так можно и живот опорожнить. Да так, что штаны в лоскуты порвутся! Чёрный Ильхегул!...»

Вдруг он обратил внимание, что одежда у него мокрая и грязная, а в руке зажат потухший дымящийся факел. Он трещал, с него капала вода.

– Нет, не может быть! – прохрипел он. Хызри мотал головой из стороны в сторону, глаза у него округлились, – это неправда!

Нартулиец потянулся рукой к шее – что-то мешало ему. Он с удивлением обнаружил на себе широкое медное кольцо, как у рабов на рынке.

– Что за..., – он хотел что-то сказать, но не успел.

Зазвенели цепи и кольцо дёрнуло его назад. Хызри, сильно ударившись спиной, оказался пригвождённым к дереву. Нартулиец чувствовал, что кто-то держит свободные концы цепей по обе стороны дерева, не давая ему пошевелиться. Он стал вырываться и кричать, но никто не отзывался. Вскоре он вымотался и затих. Пот градом капал по лбу. Он глубоко дышал, сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Вдруг край чего-то чёрного и бесформенного закрыл собой звёзды слева от Хызри. Гарип резко повернулся, но не успел разглядеть, что это было. Чёрное существо метнулось за спину, не издав при этом ни звука, оно задвинулось туда, не прыгнуло, не убежало, а просто переместилось в недосыгаемое для глаз Хызри место. Но он мог поклясться, что это было что-то осязаемое.

– Чёрный Ильхегул, возьми всех! Что здесь происходит?! – он вновь попытался вырваться, – отпустите меня! Кто здесь?! Твари!!! Я вам кишки выпущу!

Вдруг где-то на берегу, как и в прошлый раз, раздались женские голоса, но сейчас они приближались.

– Эй! Кто там?! Сюда! Я здесь! Освободите меня! – закричал Хызри.

Женщины шли по тропинке и смеялись, рассказывая что-то друг другу. Хызри никак не мог разобрать, что. Он силился понять смысл произнесённых фраз и уже почти улавливал его, но в самый последний момент тот ускользал, теряясь в темноте ночи. Вскоре нартулиец увидел свет, а потом и самих женщин, нёсших на длинных шестах горя-

щие факелы. Он хотел им что-то крикнуть, но почему-то осёкся. Женщины были юны и очень красивы. Одеждой им служили волосы, спускающиеся почти до бёдер. Видно было, что они только что вышли из воды, и капли стекали по их упругой груди и животу, по плавным изгибам бёдер. Блики пламени играли на бронзовой от загара коже, а движения женщин были столь грациозны, что буквально завораживали нартулицца, заставляя забыть, где он находится. Не дойдя до него нескольких шагов, божественные создания воткнули факелы в землю. Затем они повернулись и, так же плавно ступая, отправились в обратную сторону. В этот момент Хызри думал только об одном: «Какие божественные создания! Я никогда не видел такого совершенства!».

Вскоре нартулиец вновь услышал их голоса, доносившиеся с берега, плеск воды и скрежетание чего-то тяжёлого о камни. Голоса стали приближаться. Когда женщины вошли в освещённое факелами пространство, спина у Хызри похолодела, а глаза округлились. Беззаботно болтая о чём-то, женщины несли огромный плоский камень шириной в три-четыре шага, а толщиной в локоть. Казалось, они не чувствовали особой тяжести. Шли они также грациозно, и у них даже не участилось дыхание. Остановившись между факелами, они бросили камень. От удара земля содрогнулась и гулко застонала. Хызри понял, что такой камень не смогут поднять и двадцать воинов. Юные создания рассмеялись и вновь убежали в темноту. Они вернулись, неся на спинах охапки хвороста. Бросив его в одну кучу, между Хызри и камнем, они встали на колени по обе стороны лицом друг к другу и, набрав воздуха в лёгкие, одновременно дунули на кучу хвороста. Пламя взметнулось вверх, выбросив в небо сноп искр, затем выровнялось и заплясало на сучьях, освещая поляну до самой кромки воды. Хызри прикрыл глаза от света, потом,

когда они привыкли, обнаружил, что юные девушки стоят совсем близко и пристально смотрят на него. Они были очень красивы в свете костра. Воин даже не мог выразить словами, как они были красивы и привлекательны. Отблески пламени плясали на их лицах, груди и округлых животах. По-козьи торчащие соски завораживали и манили. Тонкий стан и изящные руки, казалось, были предназначены только для обольщения и убления мужчин. Их глаза, устремлённые на воина, источали вожделение. Целые потоки, целые реки и водопады вожделения, захлёстывая его, кружили в невероятных водоворотах, топя сознание в пучине одного-единственного желания – соединиться с этими юными прекрасными существами.

Первый раз в жизни Хызри готов был отдать всё за одно прикосновение к их коже. Сила желания, нахлынувшая на него, победила разум. Ему не хватало воздуха, он захлёбывался и тонул. Невероятные сексуальные фантазии охватили его сознание, вздохи, похожие на стоны и прерывистое дыхание, – всё закружилось в бешеном танце видений, звуков и невероятных ощущений. Хызри уже чувствовал около своих губ их горячее дыхание, уже почти ощущал кожей прикосновение их тел, когда вдруг всё закончилось. Перед ним лежал камень, горел костёр. Юные создания отстранились от него и, смеясь, убежали в чащу леса. Нартулиец дышал так, как будто взбежал на высокую гору в тяжёлом боевом снаряжении. Сердце, казалось, сейчас разорвётся на части. В желудке болело так, словно ему нанесли удар мечом. А внизу живота противно ныло, будто кто-то тянул из него все жилы. Вскоре боль утихла, а дыхание восстановилось. Он обратил внимание, что вокруг очень тихо. Не было слышно плеска волн о берег, даже ветер затих и весь лес как будто окаменел. Только сучья слегка потрескивали в костре. Так продолжалось очень долго. Хызри уже начал подумывать

о том, как вырваться отсюда, как вдруг слева от него опять появился чёрный бесформенный силуэт, закрыв собой часть звёздного неба и освещённой костром поляны. Нартулиец вздрогнул, потом повернул голову, насколько позволял медный обруч, но тень опять исчезла, беззвучно уплыв в темноту.

– Кто здесь? – крикнул он. Но ему ответило только внезапно появившееся эхо:

«Здесь..., здесь..., здесь...».

Хызри лихорадочно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, пытаясь увидеть хоть что-то, но вокруг была лишь темнота за пределами освещённого костром пространства. Он чувствовал: там, несомненно, кто-то был, кто-то, кто умел беззвучно передвигаться и исчезать в темноте. В душу Хызри начал закрадываться страх, обдавая его могильным холодом. Наконец, шея у него устала, и он повернулся к костру. Почти в это же мгновение что-то чёрное, выдвинувшись слева, закрыло собой всё – и поляну, и костёр, и камень. Нартулиец почувствовал, что на него кто-то пристально смотрит, почти касаясь лица. Дыхание у него перехватило, когда он различил на чёрном лице ещё более чёрные глаза. Взгляд этих глаз проникал в самое сознание, всё глубже и глубже, неся с собой холод – мысли замирали, кровь стыла в жилах, а кости превращались в хрупкий прозрачный лёд. Казалось, пошевели Хызри головой, и его шейные позвонки со звоном рассыплются. Он хотел крикнуть, но крик замёрз, так и не начав рождаться, ещё в лёгких, даже не дойдя до горла.

– Он мой, – от ледяного голоса у Хызри заложило уши и остекленели глаза. Каждая клетка его тела, понимая значение этих слов, билась в ледяной агонии, пытаясь разорвать оболочку и вырваться на свободу.

– Нет, – возразил чей-то спокойный голос, и тень тут же отодвинулась влево, – должны быть основания.

Когда зрение восстановилось, нартулиец увидел горящий на поляне костёр, камень и маленького человека, закутанного в одеяло из овечьих шкур. Шапка из такой же шкуры сбилась набок, поэтому воин не мог видеть его лица.

Маленький человек сидел на земле, опершись локтем о камень и поджав под себя одну ногу, вполоборота к костру и курил трубку, пуская к звёздам кольца дыма. Женщины расположились чуть поодаль, сидя на пятках, сдвинув колени и положив ладони на бёдра. В своих застывших позах с выпрямленными спинами и поднятыми подбородками они были похожи на скульптуры из красного мрамора, вырезанные искусным мастером. Ледяные клещи, сжимавшие гарипа, понемногу слабели.

– Основания есть, – тень выдвинулась на поляну, и холод вновь стал проникать в сознание, умерщвляя всё на своём пути.

– Какие именно? – спросил маленький человек, похихивая трубкой.

– А это, – ответило чёрное бесформенное существо, поднимаясь вверх. Поляна за спинами женщин исчезла. Вместо неё появилось сооружение, сложенное из больших валунов. Внутри него на одной из стен горел факел, освещающий пространство. Неподалеку, у правой стены, стояла клетка из толстых деревянных кольев до потолка. В ней на полу сидели девушки. Некоторые из них плакали, уткнувшись лицом в колени.

«Они живы!» – хотел крикнуть Хызри, но не смог. Его горло было во власти ледяных когтей, и вместо крика у него вырвался скрип, как у движущихся по льду саней, а в горле появилась нестерпимая боль.

– Он обманут жрецом, которому доверяет, – указал трубкой на тень маленький человек, – совершая этот поступок, он думал, что делает доброе дело.

– Принимается, – тень немного отстранилась, затем резко выдвинулась вперёд, – но его люди бесчинствуют в округе, отбирают у крестьян имущество, убивают, издеваются над женщинами.

– Он не знает об этом, – ответил маленький человек, вынимая трубку изо рта.

– Но он знал, на что они способны, когда собирал свой отряд, и поэтому большая часть вины лежит на нём, – возразила тень.

– Принимается, – кивнул головой маленький человек.

Одна из девушек встала и, подойдя к камню, положила на его левый край маленький кусочек чёрного обсидиана. Камень блеснул в свете костра. Девушка вернулась на место.

– Будучи ещё ребёнком, он выловил в реке тонущего котёнка, рискуя своей жизнью. Он накормил его и выходил. И это несмотря на жёсткое воспитание, которое он получил от родителей, – заметил маленький человек, подавшись вперёд и сделав резкое движение трубкой в сторону чёрной тени.

– Принимается безоговорочно, – тень задвинулась в темноту.

Другая девушка, подойдя к камню, положила на него белый круглый кварцит с правой стороны.

– Он хотел убить одного из Хранителей, да ещё содрать с него кожу. Одной попытки совершить такой поступок достаточно, – сказала тень.

Хызри заметил, что голоса чёрной тени и маленького человека были абсолютно безучастными. В них не было даже намёка на эмоции.

– В этом случае недостаточно, – возразил маленький человек, помахивая трубкой. Затем он указал ею в сторону тени, – он обманут жрецом, которому доверяет. И за все последствия будет отвечать этот жрец. Он лишь думал,

что наконец-то ему удастся совершить хоть один значимый героический поступок – истребить нечисть в образе колдуна.

– Но он, соглашаясь на этот поход, меньше думал о героических поступках, а больше о наградах и власти, которые ему обещали за выполнение миссии, – вновь выдвинулось вперёд чёрное существо.

– Принимается, – кивнул головой маленький человек, – но только как один из пунктов. Будучи юношей, он спас от смерти ребёнка, которого едва не затоптали всадники. Он рисковал жизнью, не думая о наградах. Матерью этого ребёнка была одинокая женщина из низшего социального слоя.

– Принимается безоговорочно, – ответило чёрное существо, почти растворившись в темноте ночи, а затем появившись обратно, – чтобы занять пост начальника тайной стражи, он лжесвидетельствовал против человека, которого после этого изгнали из города.

– Принимается безоговорочно, – вновь кивнул головой маленький человек, пыхнув трубкой.

Хызри понял, что попал на суд, причём обвиняемым был он сам. Эти двое знали его жизнь вдоль и поперёк, как свои пять пальцев. Им были известны все его значимые поступки, как и их последствия, которые случились гораздо позже. Они даже знали причины, которые толкали Хызри на совершение этих поступков. Они знали все значимые речи, которые он произносил на протяжении всей своей жизни, как будто кто-то ходил за ним много лет, записывая каждое его слово. И обо всём они говорили так, словно это произошло только что. Вспоминая каждый поступок, воин испытывал раскаяние. Сердце его сжималось, ему хотелось рыдать и просить прощения у всех, кого он убил, унизил, предал или оскорбил. Но он не мог этого сделать. Ледяные когти цепко держали его.

«Наверное, я умер, – пришла к нему дикая мысль, – а где же тогда Даритель Жизни на троне?! Он же должен был меня спасти!!!»

Тем временем количество белых и чёрных камешков росло. Воин понимал, что судьба его висит на волоске и исход её будет зависеть от того, каких камешков в результате окажется больше. Женщины носили и складывали их аккуратными горками. Иногда они приносили сразу по нескольку белых или чёрных камешков. Наконец, маленький человек совершенно безучастно произнёс, пыхнув трубкой:

– Будем считать?

– Будем, – так же безучастно ответила тень.

Юные создания встали со своих мест и, подойдя к большому камню, стали считать, перекладывая камешки из одной кучки в другую. Хызри затаил дыхание, ожидая своей участи. Вереницы поступков и сказанных слов проносились мимо него. И вдруг он ясно осознал, что больше всего врал самому себе. Он старался сгладить правду, замазать разными красками, старался не замечать её. Всегда было что-то важнее правды. И каждый раз убеждал себя в том, что он прав. А сейчас всё это рухнуло и не осталось ничего, никакого оправдания, никакой защиты. Ему нечем было защищаться от самого себя. Хызри зарычал, не замечая дикой боли в горле. Поступки всей жизни разом рухнули на него, словно большой ком. Голова раскалывалась.

– У меня сто тридцать пять, – сказал маленький человек, пожимая плечами.

– А у меня двести шестьдесят, – произнес ледяной голос.

Сознание замерло от страха: «Всё, мне конец!», – решил воин. Его охватило безумное раскаяние за совершённые поступки. Но вдруг он с удивлением услышал безучастный голос маленького человека:

– Ты проиграла.
– Принимается безоговорочно, – также безучастно сказала тень, но, оживившись, предложила, – может, в кости поиграем на камешки, а? Три моих против твоего одного. Устраивает?

Хызри хотел возмутиться подобным решением его участи и даже попытался рвануться вперёд, чтобы уговорить маленького человека не соглашаться, но не смог пошевелиться. Холод сковал все его члены. На его счастье, тот с сожалением в голосе произнёс:

– Очень жаль, но не тот случай. Он не игрок в кости. Как-нибудь в другой раз.

Маленький человек выбил трубку о камень, поклонился тени и пошёл вправо по берегу озера на звук водопада. Тень двинулась влево, пересекая поляну и направляясь к заснеженным вершинам. Хызри впервые смог рассмотреть полностью её гигантское тело. Голова двигалась уже где-то над снежными вершинами, а туловище всё не кончалось и не кончалось. Оно становилось то тёмно-серым, то иссиня-чёрным и блестящим, теряясь где-то в вершинах деревьев. Когда тело, наконец, закончилось, в воздухе ещё долго летали обрывки чёрного тумана и качались потревоженные кедры. Хызри увидел, как женщины уносят огромный камень в сторону озера. Он услышал мощный всплеск воды и скрежет камней. Женщины вернулись и подошли вплотную к нартулийцу. Они дотронулись до шеи Хызри. Медное кольцо раскрылось и со звоном упало на землю. Хызри рухнул лицом вниз на высохшую хвою. Тело затекло и не слушалось. Кто-то поволок кольцо в чащу леса и оно ещё долго звякало, подпрыгивая на кочках и камнях. Постепенно ледяной холод уходил из тела. Хызри казалось, что он много тысяч лет пролежал в глыбе льда и вот, наконец, лёд растаял, выпустив его на свободу. Нартулиец вспомнил о костре. Его трясло, как в лихорад-

ке. Собрав последние силы, он пополз. Добравшись до огня, он лёг на бок, положив локоть под голову, и подтянул колени к подбородку. Хызри чувствовал, что его больше нет, осталась лишь тонкая зыбкая оболочка. И даже пламя костра не согревало и не защищало от холода, как будто нечего было согревать. Вскоре воин заснул, провалившись в сон, как в пропасть.